

К. Н.
ЛЕОНТЬЕВ

Сочинения

Константин Николаевич Леонтьев

Наше болгаробесие

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2547675*

Аннотация

«...У болгар нет святых мест, нет древних церковных средоточий, нет великих неподвижных звезд Православия, разливающих свой свет повсюду, даже и в наше печальное время жалких прогрессивных надежд и устарелых европейских мечтаний.

Что думать о народе, который возрождение свое начал прямо с борьбы против той церковной иерархии, правила и дух которой легли в основу его жизни, уставы и обычаи которой сохранили его в течение веков под гнетом иноверной власти?

Не успокаивайте себя тем, что этот болгарин в бараньей шапке и коричневых толстых шароварах первобытен и прост: чем грубее и проще в наше время народ, тем легче лукавым и неверующим вождям увлечь его куда угодно...»

Содержание

I	4
II	13
1	19
2	20
3	21
4	22
5	23

Константин Николаевич Леонтьев

Наше болгаробесие^{1}

I

Я вздохнул свободнее в деревенском уединении своем, прочитав первый номер Вашей газеты.

Наконец я услышал речь прямую и правдивую! Наконец-то нашлись и в изолгавшейся Отчизне нашей люди, дерзающие *говорить правду* о болгарах и вывести их из того привилегированного и даже им самим вредного положения, в которое поставил их наш либерализм. Кого, в самом деле, мы не судим, кого не порицаем, кого не осуждаем, кого не корим? Европейцев, при всем подобострастии нашем перед Западом, мы все-таки решаемся судить. Мы даже громим их беспощадно *тогда, когда они, весьма естественно соблюдая свои государственные выгоды, противодействуют нам*. Азиатцев мы в «просвещенной» печати нашей разрываем на части и считаем долгом называть их беспрестанно «варварами» (этим главным образом доказывается, что и «мы европейцы» и что нет и не будет другой цивилизации, кроме прогрессивно-разрушительной новоевропейской). Мы поз-

воляем себе изредка порицать даже чехов, сербов и хорватов; греки у нас давно уже известны под бранным прозвищем *фанариотов*: «они суть *льстивы до сего дня*». Самих себя, Россию, власти, наши гражданские порядки, наши нравы мы (со времен Гоголя) неумолкаемо и омерзительно браним. Мы разучились хвалить; мы превзошли всех в желчном и болезненном самоуничижении, не имеющем ничего, заметим, общего с христианским смирением. Только одни болгары у нас всегда правы, всегда угнетены, всегда несчастны, всегда кротки и милы, всегда жертвы и никогда не притеснители.

Раздавались немногие серьезные голоса и против них, но их тотчас же заглушал громкий вой всероссийского свободолюбия. Пыталась самобытная мысль углубиться подальше в сущность восточных дел, но эта живая мысль, опережающая события, была подавлена презрительным равнодушием. На людей, позволявших себе, по поводу Восточного вопроса, говорить и печатать вещи несообразные с *модой* (эту моду зовут иные *здравый смысл*), смотрели как на пустых оригиналов или звали их представителями *казенного православия*. Все болгарские интересы считались почему-то *прямо русскими интересами*; все враги болгар – нашими врагами.

Когда станешь думать обо всем этом, о непостижимых заблуждениях наших, о легкомысленном отношении влиятельных и практических людей, например, к церковному греко-болгарскому вопросу, о преднамеренном искажении истины одними (знающими), о нахальной либеральности дру-

гих, не постигающих такой простой, такой, скажу, грубой политической аксиомы, именно – что самый жестокий и даже порочный, по личному характеру своему, православный епископ, *какого бы он ни был племени*, хотя бы крещеный монгол, должен быть нам дороже двадцати славянских демагогов и прогрессистов... когда поймешь, что и Россия, и все славянство без изъятия уже переступили за роковую черту, за которой *дальнейший* европейский прогресс перестает быть залогом *развития*, а становится лишь средством *разрушения и гибели*... когда, говорю, подумать обо всем этом, – станет и страшно и скучно... Страшно станет потому, что увидишь за всем этим нечто *фатальное*, нечто мистическое, если хочите... какое-то проклятие... Скучно станет потому, что скажешь себе: «Сделать ничего нельзя. Не то думают люди прямого влияния, что думаем мы с единомышленниками...».

Хорошо быть гласом вопиющего в пустыне ^[2], *когда впереди ждешь кого-нибудь такого, кто будет понимать дело еще лучше нас, кто будет прямее и сильнее нас и на нашем же пути влиятельнее*. Но когда видишь, что все идет *налево и налево* и люди не видят этого, когда видишь, например, ничтожество бельгийской буржуазной конституции в самой отсталой и самой патриархальной из освобожденных нами славянских стран, когда видишь, что пастушеский и первобытный болгарский народ предан в руки адвокатов, торговцев европейского стиля и самолюбивых учителей, вчера еще боногих оборванцев и реалистов; когда слышишь или хотя

бы подозреваешь, что какой-нибудь Каравелов-прогрессист (вероятно, что-нибудь беспокойное и наглое вроде Гамбетты) берет верх в делах, разве не станет скучно?

Разве не станет тяжело, когда прочтешь такие телеграммы: «*Тырново, 21 марта.* Болгарское народное собрание под председательством Каравелова отвергло проект учреждения сената и, по предложению доктора Малова, внесло в конституцию безусловное право сходов без предварительного разрешения полиции. Умеренная партия подверглась сильным нападкам крайних. *Тырново, 28 марта.* Вчера народное собрание внесло в конституцию статью о *полной свободе совести с правом переходить в другую веру и о полной свободе печати.* По предложению Каравелова, собрание отвергло просьбу епископов, чтобы православные церковно-служебные книги и прочие религиозные издания, предназначенные для употребления в церквях и школах, подвергались духовной цензуре. По поводу вчерашних постановлений народного собрания экзарх, все епископы и предводители умеренной партии заявили сегодня протест и удалились из собрания. *Тырново, 29 марта.* Народное собрание отсрочило свои занятия до 4 апреля. Рассмотрено 117 статей устава. Статьи о составе будущей палаты переделаны в том смысле, что все депутаты – выборные, членам по должностям и по назначению не быть. Признана свобода печати и сходов, дружеств, обществ литературных, технических, экономических, политических. Предложение Балабанова и других об учрежде-

нии сената отвергнуто единогласно. При этом произошла скандальная сцена. Вследствие каких-то личностей, раздались крики: «Вон Балабанова!» Балабанов оскорбил председательствующего Каравелова. Цанков вмешался. Кончилось тем, что авторы предложения о сенате, всего 12 человек, вышли из залы заседания».

Разве не скучно *не доверять* в глубине сердца даже тем опровержениям, которые являлись позднее? Пусть это дело замяли, вероятно, благодаря *русскому давлению*. Пусть только половина всего этого правда; но и половина эта неутешительна. И если все это клевета, если даже *ничего подобного* не было вовсе, то, должно быть, злой клеветник умен и коротко знаком с духом болгарской интеллигенции. Эта ложь так художественна, так *похожа* на истину! Не выдумаешь чего-нибудь подобного вовсе без основания: *не будет похоже*. Если бы кто-нибудь прислал теперь телеграмму из Парижа о том, что скромный якобинец Гриви действует во всем вопреки духу либеральной конституции, подобно гениальному и бесстрашному юнкеру Бисмарку, кто бы этому поверил? Или кто бы поверил известию из Рима, что итальянское правительство отказалось от папских владений и что король Гумберт «пошел в Каноссу»^[3]?

Нет, эта *ложь* кажется столь близкою к правде тому, кто видел вблизи бедность и грубость мысли и ловкое бесстыдство действий большинства болгарских вождей!

И отчего наши лучшие умы как бы в затмении, когда речь

идет о болгаргах, об этом бессодержательном и в то же время загадочном народе, *уже раз в своей истории послужившем главным предметом раздора и разрыва между Римом и Византией? Не рок ли это?*

Фанариоты – ведь это что такое? Фанариоты – это *цареградские греки*, духовенство и миряне (в особенности духовенство), это люди, которых даже прямые, личные интересы теснее, чем у кого-либо другого, связаны на Востоке со строгостью православной дисциплины, со строгостью православных преданий, православных уставов, православных чувств. Вот что такое фанариоты. Царьград – это главный центр Восточного Православия, а фанариоты – греки Царьграда, представители, правители этого центра.

Нет нужды, что они могут быть иногда лукавы или своекорыстны. Ни лукавство, ни своекорыстие личного характера православных *убеждений* и правильного спиритуализма не исключают. Христианство установлено не для одних мягких, чистых или кротко идеальных натур: оно для всех характеров, для всех натур, для всякого воспитания.

И что за политика – политика какой-то нежной морали? Откуда она взялась? И что мы сами-то за пример? Какие мы моралисты? Фанариоты – консерваторы, мы – либералы; вот и все...

Мы освобождаем болгар...

Прекрасно, освобождайте их *от власти султана, но не от канонических правил повиновения законной церковной вла-*

сти. Неужели для нас стало все равно, что шейх-уль-ислам^{4}, что Вселенский патриарх?

Мы дорожим верой нашего народа. Этой верой дорожат даже многие из тех русских, которые сами в церковь молиться не ходят или ходят редко, больше из национального чувства, чем по вере.

Неужели же мы не видим связующей нити? Мужик идет в Оптину пустынь или Тихонову, или в Киев, в Печерскую Лавру, или в Соловки. Что он там мыслит, что видит, чему научается? Откуда все это к нам пришло? Не с Востока ли?.. Не от греков ли? Не в руках ли греков и доньше Иерусалим, Афон, Синай? Не к Царьграду ли, как центру общецерковного влияния и средоточию церковного управления, тяготеют все эти святые места?..

Что может нам дать взамен всего этого величия бессодержательная, зеленая, лишенная серьезных преданий, сама своего глубоко революционного (т. е. *либерально-эгалитарного*) духа не сознающая болгарская народность? У болгар нет святых мест, нет древних церковных средоточий, нет великих неподвижных звезд Православия, разливающих свой свет повсюду, даже и в наше печальное время жалких прогрессивных надежд и устарелых европейских мечтаний.

Что думать о народе, который возрождение свое начал прямо с борьбы против той церковной иерархии, правила и дух которой легли в основу его жизни, уставы и обычаи которой сохранили его в течение веков под гнетом иноверной

власти?

Не успокаивайте себя тем, что этот болгарин в бараньей шапке и коричневых толстых шароварах первобытен и прост: чем грубее и проще в наше время народ, тем легче лукавым и неверующим вождям увлечь его куда угодно.

Католическое духовенство жалуется, что в полудиких, варварских республиках Южной Америки оно гонимо гораздо более, чем в глубоко образованной Европе. Отсталая, сравнительно невежественная Италия легче отступилась от папы, чем более цивилизованная, передовая Франция; в последней были и есть даже республиканцы, не желавшие никогда полного разрыва с Ватиканом.

Прогрессивные идеи грубы, просты и всякому доступны. («Жрецы и воины ведь всегда обманывали народ». Не правда ли?) Идеи эти казались умными и глубокими, пока были достоянием немногих избранных умов. Люди высокого ума облагораживали их своими блестящими дарованиями; сами же идеи, по сущности своей, не только ошибочны, они, говорю я, грубы и противны. *Благодеяние земное вздор и невозможность; царство равномерной и всеобщей человеческой правды на земле – вздор и даже обидная неправда, обида лучшим. Божественная истина Евангелия земной правды не обещала, свободы юридической не проповедовала, а только нравственную, духовную свободу, доступную и в цепях. Мученики за веру были при турках; при бельгийской конституции едва ли будут и преподобные; разве «во равенстве и*

свободе юродивые» вроде *наших подлых благотворителей*,
стреляющих из револьверов в генералов. Жалко, скучно и
страшно за будущее славянства!

II

Бедный князь Черкасский!..

Не знаю, что он *в самом деле думал про себя*; но давно ли мы читали, что «Славянский комитет будет стараться утвердить в освобождаемой Болгарии дух истинно православный и внушить болгарам отчуждение от пустоты *сербских конституционных замашек*»?

Князь Черкасский был человек диктатуры; он умер в день подписания мира; прошел только год; еще русские войска не вышли из полуразрушенной Турции, а трагический образ восстающей из рабства и крови Болгарии у же успел мгновенно исказиться шутовской гримасой демагогического и парламентского мещанства!

Не того мы ждали: мы ждали от наших младших, наших *свежих братьев примера*; мы думали, что они научат нас, как лучше бороться *против европеизма*... А они сразу перещеголяли Европу. О, как это гадко!

Бедные тени Хомяковых и Киреевских – тени, столь поздно увенчанные *общественным признанием* и столь скоро обманутые в лучших надеждах своих!..

«Старые» славянофилы воображали себе, что затмение турецкого полумесяца повлечет за собою немедленно яркий восход сияющего православного солнца на христианском Востоке.

Они мечтали о каких-то патриархально освежающих *югославянских* родниках! Как возвышенны, как благородны были эти мечты! Как упорно сохранились они у немногих, оставшихся *прежними* славянофилами и донныне!

И как ошибочны эти надежды, как призречен этот яркий, своеобразный культурный идеал! Горькая ошибка наша; поправим ли мы ее?

Как было не понять, что какому-нибудь болгарскому учителю, купцу, доктору, депутату и даже министру из мужиков или лавочников недоступно и нежелательно то, что было так ясно и так желательно Киреевскому, Хомякову и Аксаковым?.. Эти люди были все русские *дворяне*, даровитые, ученые, идеальные, благовоспитанные, тонкие, *европеизмом пресыщенные*; благородные москвичи, за спиной которых стояли целые века государственного великорусского опыта. То ли может нравиться кое-как или даже и хорошо обучившемуся в Европе пастуху вроде всех этих людей, которых я знаю лично и которых *не хочу только называть*?

Не то они все чувствуют, *не то, что чувствуем мы!*..

И зато как глубоко, как обидно наше разочарование!.. Как оно горько! И как нам стыдно теперь!.. Я говорю *нам...* Да, нам; потому что и я приехал лет 15 тому назад на Восток учеником, поклонником этого *культурного* славянофильства, долженствующего возрасти и процветать такими пышными цветами на незыблемых и древних корнях Православия.

Но увы!.. Живя в Турции, я скоро понял истинно ужаса-

ющую вещь; я понял с ужасом и горем, *что благодаря только туркам* и держится еще многое истинно православное и славянское на Востоке...

Я стал подозревать, что отрицательное действие мусульманского давления, *за неимением лучшего*, спасительно для наших славянских особенностей и что без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее...

Я стал бояться, что мы не сумеем, не сможем, не успеем *вовремя* заменить давление мусульманства другой, более высокой дисциплиной – дисциплиной *духа*, заменить тяжесть жесткого ига суровым внутренним идеалом; унижительный и невольный страх агарянский свободным *страхом Божиим*, о котором сказано. «*Даруй ми по Твоей благодати Твоего страха* страшиться...» И какой же тут «страх Божий» в народе неопытном, незрелом, руководимом вчера лишь вольноотпущенными лакеями, побывавшими кое-где в Европе для того, чтобы перестать содержать посты и разучиться *любить власти*, Богом поставленные? Какой страх Божий в православной нации, которая начинает свою новую историю борьбой против Вселенского патриарха и против принципа епископской власти, – в нации, которую свои демагоги лет 20 подряд учили не слушаться архиереев, изгонять их, оскорблять, не платить им денег?..

Первые впечатления народа, вступающего в политическую жизнь после долгого сна, так важны... (боюсь самому

себе досказать свою мысль), быть может, даже неизгладимы...

Я долго прожил в Константинополе и много беседовал там с греками и болгарами.

Я приехал туда в <18>72 году, сознаюсь и *каюсь*, защитником болгар, хотя и грекам во многом сочувствовал; но не прожил я и года в самом центре борьбы, как уже мысли мои изменились... С тех пор они все те же... Тогда только я понял, до чего мне, *как и большинству русских*, был темен, смутен, недоступен этот столь важный и столь страшный греко-болгарский вопрос!

Только тогда, после *этих долгих бесед*, после внимательного чтения, после упорного раздумья я сказал себе: никогда еще в истории России и славянства принцип племенного славизма не вступал в борьбу с православными уставами и преданиями, и в первый раз эту борьбу мы видим в греко-болгарской распре. Истинно национальная политика должна и за пределами своего государства поддерживать не *голое*, так сказать, *племя*, а *те духовные начала, которые связаны с историей племени, с его силой и славой*. Политика православного духа должна быть предпочтена политике славянской плоти, агитации болгарского «мяса»... Национальное же начало, понятное иначе, *вне религии*, есть не что иное, как все те же идеи 1789 года, начала всеравенства и всеобщей свободы, те же идеи, *надевшие лишь маску мнимой национальности*. Национальное начало вне религии не что иное, как

начало эгалитарное, либеральное, *медленно*, но зато *верно разрушающее*...

И ему необходимо платить горькую дань и с ним надо, к несчастью, считаться; но вовсе не следует служить ему слишком искренно и простодушно.

Панславизм – неизбежность... Но панславизм православный есть спасение, а панславизм либеральный есть гибель *прежде всего для России!*..

Кто панславист умный, дальновидный и хороший, тот должен быть за Церковь, за ее дисциплину, за ее каноны, за епископскую священную власть, за патриарха, за этих ужасных и доньше *льстивых* фанариотов, а не за болгар, вот уже 20 лет подряд постоянно попадающих в руки своей крайней партии Чомаковых, Цанковых, Славейковых, Каравеловых... Патриарх – это старая Московская Русь; болгарская интеллигенция, за немногими исключениями, – это Гамбетта и Рошфор и разве-разве Вирхов и Тьер, только гораздо жиже и плоше!

Выбор ясен.

Однажды я беседовал долго с одним пожилым болгаринном, человеком образованным и тонкого ума¹. Он сказал мне *с глазу на глаз* вот что:

– Мы, болгаре, конечно, поступили неправильно, нарушив каноны; но что делать? *Раскол нам выгоден*... Над нами было два завоевания – греческое и турецкое; надо было сперва, с помощью сильнейшего завоевателя, свергнуть слабей-

---

¹ Г. Золотовичем, ныне умершим. – *Примечание К. Н. Леонтьева 1885 г.*

шего. Оттого мы соединились с турками против патриарха.

– Я понимаю вас, болгар, – отвечал я, – но нам, русским, нет нужды быть во всем солидарными с вами. Мы даже могли бы объявить вас раскольниками с церковной точки зрения, вместе с тем продолжая защищать вас, как славян, от турок и от Запада и даже, если нужно, и *от лишних посягательств самого эллинизма*. На Дунае мы помогаем же русским старообрядцам. В такой политике правда сочеталась бы с мудростью.

Одна не мешает другой. Разве мы не могли бы объявить вас раскольниками и воевать за вас, когда придет время?.. Тогда, когда Русская Церковь решится *назвать вас по имени*, как вы того заслуживаете, самый искренний в Православии своем русский в состоянии будет стать за вас, *но только как за славян...* не иначе. Церковь лгать Св<ятому> Духу или игнорировать свои уставы запрещает, а сражаться можно и за иноверцев даже, когда того требуют государственные выгоды, – на это нет канонов... А теперь, как православному человеку, *понявшему* наконец все ваши тайны, *все ваши замыслы и приемы*, как ему быть за вас?.. За вас может быть или незнание, или злонамеренность, или какое-то непостижимое затмение, овладевающее иногда и самыми сильными умами.

Умный старик помолчал немного, потом поглядел на меня с тонкой улыбкой и сказал доверчиво (я у же заметил, что мы были одни):

– Да. Кто горячий монархист, подобно вам, тот не может сочувствовать болгарскому движению. Это правда. Принцип самодержавия и принцип патриаршей власти – это так тесно связано; это почти одно и то же...

A bon entendeur – salut!^{5}

comments

Комментарии

1

Статья написана в форме писем к главному редактору газеты «Восток» Николаю Николаевичу Дурново.

2

Ис 40:3; Мф 3:3; Мк 1:3; Лк 3:4; Ин 1:23.

3

Каносса – замок в северной Италии, где в 1077 г. низложенный император Генрих IV вымаливал прощение у папы Григория VII. Выражение «пошел в Каноссу» означает идти на унижение.

4

Шейх-уль-ислам – глава мусульманского духовенства, главный истолкователь шариата.

5

A bon entendeur – salut (*франц.*) – имеющий уши, да слышит!